

Н. Д. ЧЕЧУЛИНЪ

ОТДАЛЕННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
„СКУПОМУ РЫЦАРЮ“

Посвящается И. А. Шляпкину.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1914.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1914 годъ.

Въ „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкинъ обрисовалъ типъ скупца совершенно иначе, чѣмъ онъ изображенъ у Мольера въ его „L'Avare“, у Плавта въ его „Aulularia“, а также и у тѣхъ писателей, которые подражали Плавту и, въ свою очередь, послужили вмѣстѣ съ нимъ до извѣстной степени образцомъ для Мольера; фактъ заимствованій, сдѣланныхъ Мольеромъ въ комедію „L'Avare“ у нѣсколькихъ другихъ писателей, давно установленъ ¹⁾, но это нимало не мѣшаетъ видѣть, что Мольеръ въ изображеніи типа несравненно превзошелъ своихъ предшественниковъ. Существенное различіе названныхъ произведеній Пушкина и Мольера уже въ томъ, что послѣдній понималъ скупого, какъ типъ комической, а Пушкинъ выдвинулъ въ немъ черты безспорно трагическія. Это различіе опирается на еще болѣе глубокое основаніе: въ то время какъ Мольеръ, подобно всѣмъ своимъ образцамъ, выдвинулъ комизмъ *проявленій* скупости, комизмъ *положеній*, которыя возникаютъ благодаря этому пороку, Пушкинъ рисуетъ съ высокимъ совершенствомъ самую *психологию* скупца и показываетъ, что подчиненіе несчастнаго страсти къ деньгамъ есть, по существу, положеніе, нерѣдко дѣйствительно трагическое.

Какъ извѣстно, указаніе Пушкина, будто его „Скупой рыцарь“ представляетъ собою „Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи «The saveteous Knight»“, является своего рода оригинальною шуткою поэта: англійскаго поэта съ такимъ именемъ не существовало, нѣтъ и такой траги-комедіи; самъ же Пушкинъ въ рукописи передѣлывалъ то англійское названіе, которое, очевидно, самъ и придумалъ.

До сихъ поръ не указано никакого произведенія, которое должно бы было быть признано оригиналомъ или прототипомъ пушкинскаго

¹⁾ Les grands écrivains de la France. Nouv. éd. publ. sous la direction de M. Ad. Regnier. Oeuvres de Molière, v. VII, Paris, 1882. L'Avare. Notice, 20 sqq.

„Скупого рыцаря“. Однако, это произведеніе имѣеть нѣкоторую связь съ другимъ, уже существовавшимъ ко времени написанія „Скупого рыцаря“ и почти навѣрно извѣстнымъ Пушкину, произведеніемъ великаго писателя. Правда, Пушкинъ, если что и заимствовалъ, то прежде всего самую задачу: обрисовать *психологію* скупца, а не изобразить тѣ или иныя положенія, въ которыя человекъ скупой попадаетъ; затѣмъ, онъ, повидимому, заимствовалъ существенную, вѣрно схваченную и его оригиналомъ, черту: скупой довольствуется сознаниемъ, что ему доступно все, чего бы онъ ни пожелалъ, и ничуть не стремится осуществить на дѣлѣ тѣ возможности, которыя ему представлялись бы. Но скажемъ теперь же: если Пушкинъ въ этомъ случаѣ и въ указанныхъ отношеніяхъ и слѣдовалъ нѣкоторому образцу—что намъ представляется едва ли подлежащимъ сомнѣнію,—то онъ разработалъ заимствованную тему въ полномъ смыслѣ слова гениально и положительно превзошелъ свой оригиналъ, хотя оригиналомъ его былъ никто другой, какъ Гёте.

Въ числѣ произведеній Гёте есть оперетта: „Scherz, List und Rache“, написанная около 1784 г. ¹⁾ Содержание ея, въ краткихъ словахъ, слѣдующее. Нѣкій докторъ-скупецъ обманомъ присвоилъ себѣ деньги, которыя должны были послѣ смерти старой тетки перейти къ ея племянницѣ и ея мужу. Тогда мужъ хитростью проникаетъ въ домъ доктора, заслуживаетъ его довѣріе и становится его слугою; затѣмъ является къ доктору, подъ видомъ больной, жена этого слуги и кокетствомъ увлекаетъ стараго доктора; тотъ приготовляетъ для нея особый напитокъ, увѣряя, что это необходимое для нея лѣкарство, а въ дѣйствительности разсчитывая, что, выпивъ его снадобья, она ему отдастся. Внезапно мужъ производитъ тревогу крикомъ, что домъ горитъ; докторъ убѣгаетъ, а мнимая больная, по предварительному уговору съ мужемъ, ставитъ на мѣсто тѣхъ банокъ, изъ которыхъ докторъ составлялъ ей питье, банки съ ядомъ, питье же выливаетъ за окно. Вскорѣ докторъ возвращается, убѣдившись, что тревога оказалась фальшивою; его посѣтительница начинаетъ увѣрять его, что она, выпивъ лѣкарство, почувствовала себя хуже, а затѣмъ притворяется мертвою; докторъ, видя, что подъ рукою у него были стклянки съ ядомъ, думаетъ, что, нечаянно перемѣшавъ банки, онъ отравилъ свою пациентку, и приходитъ въ ужасъ.

¹⁾ Goethes Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe in 40 Bänden. B. VIII, 93—148 и 339—344.

Онъ упрасиваетъ слугу помочь ему скрыть слѣды этого несчастнаго случая, унести и выбросить въ рѣку трупъ. Слуга соглашается, но заставляетъ стараго скрягу заплатить за это порядочную сумму. Когда затѣмъ докторъ является посмотреть, унесено ли тѣло, мнимо-умершая пугаетъ его, какъ бы оживши, и еще разъ заставляетъ платить деньги. Послѣ этого мужъ и жена, получивъ все, что составляетъ наслѣдство ихъ умершей тетки, осмѣиваютъ и дразнятъ стараго скрягу и удаляются.

Произведеніе это не принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ созданій великаго автора; вопреки восхваленіямъ нѣмецкихъ историковъ литературы,—это фарсъ, рассчитанный на довольно непритливые вкусы публики, которая восхищалась пьсами Коцебу и даже еще менѣе тонкими и менѣе остроумными зрѣлищами. Но, какъ это ни покажется, быть можетъ, страннымъ на первый взглядъ—оперетта Гёте стоитъ между „L'Avare“ Мольера и „Скупымъ рыцаремъ“ Пушкина и, повидимому, воспоминанія объ одномъ монолוגѣ доктора-скупца отразились на знаменитой сценѣ въ подвалѣ.

Съ мольеровскимъ „L'Avare“ есть сходство въ общей концепціи пьесы—не надо только забывать, что „L'Avare“—высокая комедія, а „Scherz, List und Rache“ фарсъ. И тутъ, какъ тамъ—скупой старикъ, мечтающій о молодой особѣ; и тутъ, и тамъ скупого обманываютъ, и онъ лишается своихъ денегъ—то обстоятельство, что у Мольера въ концѣ концовъ Гарпагонъ получаетъ ихъ обратно, не имѣетъ большаго значенія. Одинъ изъ разговоровъ Гёте, записанныхъ Эккерманомъ, намъ кажется, даетъ основаніе думать, что фактъ подражанія въ данномъ случаѣ признавался самимъ Гёте. Однажды,—разсказываетъ Эккерманъ,—во время разговора о нѣкоторыхъ великихъ драматическихъ писателяхъ, Гёте коснулся Мольера, отозвался съ самыми восторженными похвалами о его произведеніяхъ вообще и, въ частности, о „Скупомъ“, а затѣмъ какъ-то вдругъ, съ потерей ясной связи—по крайней мѣрѣ въ передачѣ Эккермана—разговоръ перешелъ на вопросъ объ оригинальности и заимствованіяхъ, и Эккерманъ записалъ разсужденіе Гёте не о заимствованіяхъ кого либо другаго, а именно—о его собственныхъ заимствованіяхъ. „Если бы я могъ опредѣлить,—сказалъ Гёте—чѣмъ я обязанъ всѣмъ великимъ предшественникамъ и современникамъ, то немного у меня останется“ ¹⁾.

¹⁾ Разговоры Гёте, собранные Эккерманомъ. Пер. Д. В. Аверкіева. С.-Петербургъ 1905. I, 205—206.

Конечно, это не прямое указаніе; но представляется очень правдоподобнымъ, что разговоръ имѣлъ такой ходъ: Гёте, говоря о „Скупомъ“ Мольера, припомнилъ свою оперетту и высказалъ свой взглядъ на заимствованія именно потому, что сюжетъ ея онъ заимствовалъ у Мольера, Эккерманъ же, по понятнымъ причинамъ, записалъ общее сужденіе Гёте, а не упоминаніе его о заимствованіи въ одномъ опредѣленномъ случаѣ.

Отношеніе между опереттой Гёте и „Скупымъ рыцаремъ“ другое: тутъ мы видимъ не сходство интриги и положеній, а въ обоихъ случаяхъ—изображеніе психологіи скупого и при томъ, психологіи одинаково понятой.

Во второмъ актѣ оперетты скупецъ-докторъ пересматриваетъ наединѣ свои деньги, любитъся ими и произноситъ монологъ; эта сцена, намъ кажется, и послужила прототипомъ знаменитой сцены въ подвалѣ.

Вотъ монологъ доктора:

Süßer Anblick! Seelenfreude!
Augenweid' und Herzensweide!
Erste Lust und letzte Lust!
Zeigt mir alle Erdengaben,
Alles, alles ist zu haben,
Und ich bin es mir bewuszt!

Die meisten Menschen kommen mir
Wie grosze Kinder vor,
Die auf den Markt mit wenig Pfennigen
Begierig eilen.
So lang die Tasche noch
Das biszchen Geld verwahrt,
Ach! da ist alles ihre:
Zuckerwerk und andre Näschereien,
Die bunten Bilder und das Steckenpferdchen,
Die Trommel und die Geige!
Herz, was begehrt du?
Und das Herz ist unersättlich!
Es sperrt die Augen ganz gewaltig auf.
Doch ist für eine dieser Siebensachen
Die Barschaft erst vertändelt,
Dann adieu ihr schöner Wünsche,
Ihr Hoffnungen, Begierden—
Lebt wohl!
In einen armen Pfefferkuchen
Seid ihr gekrochen;
Kind, geh nach Hause!

Nein! nein! so soll mir niemals werden:
So lang' ich dich besitze,
Seid ihr mein,
Ihr, Schätze dieser Erde!
Was von Besitztum
Irgend einen Reichen
Erfreuen kann,
Das sehe ich alles,
Und kann fröhlich rufen:
Herz, was begehrt du?

Soll mich ein Wagen
Mit zwei schönen Pferden tragen?
Gleich ist' s getan.
Willst du schöne reiche Kleider?
Schnell, Meister Schneider,
Mess' Er mir die Kleider an!
Haus und Garten?
Hier ist Geld!
Spiel und Karten?
Hier ist Geld!
Köstlich Speisen?
Weite Reisen?
Mein ist, mein die ganze Welt!
Herzchen! Liebes Herzens-Herzchen!
Was begehrt du, Herzens-Herzchen?
Fordre nur die ganze Welt!

Welcher Anblick! welche Freude!
Augenweid' und Seelenweide!
Erste Lust und letzte Lust!
Zeigt mir alle Erdegaben,
Alles, alles ist zu haben,
Und ich bin es mir bewuszt!

На русский языкъ „Scherz, List und Rache“ переведена Н. А. Холдковскимъ; вотъ монологъ доктора по этому переводу:

Что за видъ, и что за радость!
Взору счастье, сердцу сладость,
Радость радостей земныхъ!
Дайте всѣ дары земные:
Деньги есть—дары любые
Я могу купить на нихъ.

Мнѣ люди кажутся порою
Большими ребятами: они
Бѣгутъ на рынокъ
Съ двумя-тремя копейками въ карманѣ.
Пока въ карманѣ денежки лежать,

Имъ кажется доступнымъ
Всё, всё на свѣтѣ: лакомства, конфеты,
Картинки и лошадки,
И сврипочки и барабаны,—
Чего ты хочешь сердце!
А сердце ненасытно,
И тутъ-то разбѣгаются глаза.
Но чуть лишь деньги
Потрачены на вздорную вещьцу—
Всё, всё прощай!
Надежды и желанья —
Прощайте навсегда:
За пряникъ продалъ васъ ребенокъ...
Иди домой, дитя!..
Нѣтъ, такъ со мною никогда не будетъ
Покажѣсть вы мои,
Сокровища земныя—
Я васъ не выпущу изъ рукъ!
Все то, что богача въ имѣнья
Порадовать могло бы—
Все это я держу въ своихъ рукахъ,
И спрашивать могу я смѣло:
Чего ты хочешь, сердце?

Рысаковъ ли и карету?
Дамъ я звонкую монету—
Всё передо мной.
Иль одежду дорогую?
Я тряхну кошну тугую—
И придетъ портной!
Домъ ли, садъ, игру, гулянье,
Вкусный ли обѣдъ,—
Путешествіе, катанье?
Много есть монетъ!
Мнѣ подвластенъ цѣлый свѣтъ!
Сердце, сердце, что ты хочешь?
Сердце, ты о чемъ хлопочешь?
Мнѣ ни въ чемъ стѣсненья нѣтъ!

Что за видъ, и что за радость!
Взору счастье, сердцу сладость,
Радость радостей земныхъ!
Дайте всѣ дары земные,
Деньги есть—дары любые
Я могу купить за нихъ ²⁾!

Едва ли можно отрицать, что здѣсь дана программа знаменитаго

²⁾ Собрание сочиненій Гёте подъ редакцію Гербеля, т. IX, 294—295.

монолога скупого рыцаря. Программа эта—въ самыхъ общихъ чертахъ, она не разработана, а набросана; но она содержитъ все существенное, все главнѣйшее, что такъ глубоко развили Пушкинъ, а такъ какъ знакомство Пушкина съ произведеніями Гёте совершенно несомнѣнно, то въ высшей степени вѣроятно, что онъ работалъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ Гёте. Два писателя столь великіе, что трудно и судить о близости или различіи ихъ генія, изобразили, что думаетъ и чувствуетъ скупой; одному принадлежитъ честь впервые поставить эту задачу,—онъ сдѣлалъ это въ произведеніи полушуточномъ, въ произведеніи, которое онъ, такъ сказать, обронилъ на своемъ поэтическомъ пути; другой—блестяще выполнилъ эту задачу въ произведеніи, къ которому съ полнымъ основаніемъ можно приписать слова Гёте же, что оно есть „плодъ его счастливейшихъ часовъ“. За Гёте въ данномъ случаѣ надо признать первенство постановки, за Пушкинымъ—превосходство въ исполненіи; Гёте намѣтилъ задачу, разрѣшить которую Пушкинъ призналъ достойнымъ своего генія, а Пушкинъ блестяще, въ совершенствѣ разработалъ то, что намѣтилъ Гёте ¹⁾).

¹⁾ Статья эта была уже написана, когда я узналъ о работѣ В. В. Розова, „Пушкинъ и Гёте“, Кіевъ 1908 г.; въ работѣ этой, на стр. 113—117, указана и та параллель, о которой выше я говорилъ. Рѣшаюсь, все-таки, опубликовать и свою статью, хотя выводъ ея уже не имѣетъ теперь интереса новизны, въ виду того, что нѣкоторые наблюденія мои отъ автора той книги ускользнули—быть можетъ потому, что онъ ставилъ себѣ задачу болѣе общую. Фактъ знакомства Пушкина съ произведеніями Гёте г. Розовымъ установленъ безспорно.